

ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗНАКИ И ВЕЩИ

Формирование человеческого бытия протекает в ходе коммуникации, представляющей собой телесные взаимодействия, которые опространствливаясь превращаются в различные формы социального мира – определенные *местности* и *совместности*. Социальность возникает через конфигурирование таких ее онтологических составляющих как *телесность*, *местность* и *совместность*. Процесс воспроизводства совместности происходит в ходе регулярного телесного взаимодействия между людьми посредством определенной социальной практики, благодаря которой порождается определенное со-общение, способствующее при-общению людей к своему со-обществу с определенными представлениями и ценностями. Утверждая это, мы не хотим сказать, что вся окружающая предметность сводится к продолженному человеческому телу, равно как и социальный мир не сводится исключительно к взаимодействию людей. Мир наполнен широким горизонтом всевозможных вещей, производимым человеком из различных форм природы. Процесс порождения этого мира мы называем топологической антропологией.

Социальная коммуникация порождает знаково-символические комплексы, которые выступают не просто в качестве обозначаемых объектов, а в качестве социальной силы, которые связывают, нацеливают и ориентируют на результат человеческие взаимодействия. Знаки размечают и разграничивают социальное взаимодействие; они выступают в качестве такой интерактивной силы, которая способствует взаимопониманию и согласованию действий людей; они, наконец, служат регулярной воспроизводимости социальных связей. Знаково-символические комплексы нельзя толковать в духе сосюрковского единства означающего с означаемым, они представляют из себя социальную величину, где знаки определяют скорее не сферу «значений», а сферу согласованных действий и связей. Знаки и символы, впитывая социальный опыт, стягивают и сшивают социальную реальность в нечто единое. Причем, это единое предстает в качестве единого многоразличного, то есть сингулярного, поскольку несет в себе разно-ликие формы социального бытия.

В рамках социально-феноменологических метода были хорошо разработаны представления о символическом пространстве в социально онтологическом ключе (А. Шюц, П. Бурдьё, П. Бергер, Т. Лукман и др.). Данные исследования способствовали появлению в современной философии социально-топологической методологии. Но не подавляет ли в таком подходе символическое самодостаточное присутствие вещей? Вообще, заметим, что в классической метафизике или социологии символов, а также отчасти и в психоанализе, в особенности, во времена его зарождения, господствовало представление о неисчерпаемости символа (означаемого). Структурализм способствовал переходу к анализу знака (означающего), а социальная феноменология перешла к рассмотрению знаково-символических образований в аспекте социальной онтологии. Но не дает ли такой подход символическому порядку и структурирующим их практикам приоритетный статус по отношению к вещам или положению вещей в целом? Вместе с тем, теория кодирования, необходимая для изучения структур обозначений, может допускать определенное обращение к семиотике, но к такой, которая не связана со структурализмом. Поскольку знаки «существуют» только как средства и результат коммуникативных процессов взаимодействия. В структуралистских же концепциях языка, знаки рассматриваются как заданные свойства речи и письма, а их зависимость от самого процесса передачи значения не учитывается. Будем в дальнейшем исходить из того, что знаки и символы нельзя рассматривать как что-то, что превосходит само положение вещей.

Как же в нашем современном мире в эпоху технической цивилизации вещи могут что-то значить? Иметь «значение» или «смысл» в семиотическом смысле? Нам представляется, что решение этого вопроса возможно только на ниве онтологии. Когда же вещь начинает что-то значить? Это происходит, как только вещь начинает производиться и потребляться человеческим обществом, как только она становится объектом межтелесного взаимодействия людей. Уходя от чисто семиотического толкования, необходимо онтологически понимать, что взаимодействие между людьми понимается не по конечным состояниям, а из него самого, то есть из того «между», которое воплощено в телесностях и опосредовано вещами.

Желая преодолеть разрыв в понимании места и значения (назначения) между символами и объектами, который зачастую можно наблюдать в теоретических исследованиях, Б. Латур предлагает рассматривать объекты в качестве части гетерогенной сети отношений. И потому понятия «субъекта», «актера», «агента» здесь оказываются неуместными. Но уходя от власти символов, на приоритетности которых настаивают интеракционисты или феноменологи, не приходит ли Латур к констатации власти вещей, ведь в культуре каждого общества имеется определенный корпус нарративов и метанарративов, который занимает особое положение по отношению ко всей совокупности актуальных знаков, имеющих в обществе? Сводятся ли все знаки в обществе только к тем, которые лишь надстраиваются над вещами, как полагает Латур? Нам представляется, что примирение между этими крайними позициями по вопросу о первичности вещного или символического миров возможно, лишь, если мы в вещах перестанем видеть только «объективные» объекты, а увидим социальную силу, производящую связь; равно как и в знаках или символах перестанем видеть только «значения», но увидим в них также социальную силу, способную работать на связь между людьми. Связи между людьми начинают просматриваться через включение их в различные человеческие практики – духовную, производственную, семейную, политическую, правовую и т.п.